

Фридрих Фурман

Социальная миссия религиозных конгрегаций США: история и современность

Исполняя «социальные заветы» своих священных книг, синагоги, церкви, мечети, храмы и образующиеся вокруг них религиозные общины, являются самыми ранними в истории «поставщиками» социальных услуг как своим приверженцам, так и тем, кто может ими стать. С древних времен они предлагают им – помимо душевного участия и утешения верой – пищу, кров, одежду, а также моральное наставление и житейский совет. Поэтому религиозные учреждения издавна могут, по совместительству, считаться и социальными учреждениями. Госпитали, сначала как приюты, а затем как медицинские учреждения, детские дома и дома для престарелых, общинные кухни, фонды взаимопомощи и кредитные союзы, поддержка неимущих семей и бедных невест, выкуп пленников и заключенных – все это и многое другое есть примеры традиционной религиозной благотворительности для единоверцев, а впоследствии и для иноверцев. А вместе с тем примеры социальной помощи, понимая последнюю как поддержку не только «своих», но и «иных», как «ближних», так и «дальних».

Поэтому рассматривая объем поступающих в религиозную сферу Америки пожертвований и направления их использования, надо также иметь в виду весьма важную область ее собственных социальных услуг, по преимуществу филантропических. До недавних пор, отмечают исследователи роли религии в филантропии большинство американских социологов сторонилось этой темы¹. Считалось, что при огромном размахе государственных социальных программ последнего полувека, социальные услуги религии вряд ли имеют существенное значение. К тому же, отделение религии от государства сильно сужало объем официальной информации для исследований и затрудняло выработку объективных представлений о религии как «социальном агенте». Между тем ее исторически сложившаяся роль в социальной сфере США весьма значительна. И это не раз вызывало энергичные, но не всегда успешные, попытки республиканских президентов (начиная с Рейгана, но более всего – при Буше младшем) шире использовать религиозные социальные службы, сокращая при этом государственную их сеть.

Настоящая публикация является 5-й в рамках темы «Религия и филантропия» и размещена на сайте автора в одноименной рубрике 27 сент. 2019 (полный текст в формате PDF)

¹ - Cnaan, R. A., with Boddie, S. C., Handy, F., Yancey, G., & Schneider, R. *The invisible caring hand: American congregations and the provision of welfare*, New York University Press, 2002.

- Mark Chaves and William Tsitsos, *Congregations and Social Services: What They Do, How They Do It, and with Whom*, *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly* vol. 30, no. 4, December 2001.

<http://nvs.sagepub.com/content/30/4/660.full.pdf+html>

Виды социальных услуг конгрегаций

Рассматривая весь спектр социальных услуг конгрегаций, исследователи выделяют из них, в первую очередь те, что дополняют священническую службу. Это так называемые *неформальные услуги*, связанные с тем, что конгрегации нередко являются единственным или наиболее видимым социальным институтом в общине. К священникам, раввинам, имамам – вообще, к лидерам конгрегаций, особенно к тем, кто отличается дружелюбием, житейской мудростью и эрудицией – обращаются за советом и помощью как ее члены, так и просто местные жители. Чаще всего, это консультации по религиозным, моральным и семейным делам. Нередко к ним обращаются по финансовым вопросам, включая просьбы о срочной помощи деньгами, едой, оплатой счетов и т.п. со стороны безработных, бездомных, бедных и больных. Это также обращения за рекомендацией, например, в школу или колледж, для работодателя, а то и в суд или тюрьму. Число обращений за рекомендациями и их разнообразие бывает столь велико, что лидеры конгрегаций привлекают к их подготовке профессионалов, становясь, таким образом, посредниками между сферой профессиональных услуг и местными жителями, и для последних эти услуги часто оказываются не просто бесплатными, но и весьма полезными. Особенно уместно и благотворно посредничество священника с шерифом, адвокатами, судебными приставами и банками.

Однако наиболее видимы и обширны те социальные услуги конгрегаций, что проходят через их *формальные программы*. Наиболее характерными и массовыми являются следующие программы социальных услуг: *для детей и молодежи* – образование и отдых, летние лагеря, стипендии для особо нуждающихся студентов; *для пожилых и инвалидов* – отдых и развлечения для пожилых, дружественные посещения больных, особенно тех, что прикованы к постели; *для бездомных и бедных* – раздача одежды и пакетов с продуктами, а также денежной и материальной помощи, поступающей из-за рубежа, бесплатные столовые и т.п.; *для нужд местной общины* – бесплатные концерты и лекции, поддержка местных ассоциаций, участие в коалициях, включающих людей разных религий, поддержка светских празднеств, общинные ярмарки, спортивные мероприятия. Но помимо этих наиболее типичных программ, конгрегации нередко проводят специальные, часто уникальные социальные проекты. Они простираются от специализированной правовой и медицинской помощи для бедных семей (помощь беременным подросткам и одиноким женщинам, больным СПИДом, хроническим алкоголикам и наркоманам, иногда даже зубоврачебная помощь) до участия в

строительстве публичных зданий, организации кредитных союзов и спортивных состязаний.

Некоторые социальные программы, особенно требующие крупных затрат, большого числа добровольцев и профессиональной поддержки, проводятся в сотрудничестве с конгрегациями и организациями других религий. Обычно это строительство и содержание приютов для бездомных, ибо лишь немногие конгрегации имеют собственные приюты, столовые и передвижные кухни. А вот иметь склады для продуктов и проводить их раздачу бедным и бездомным может себе позволить почти каждая конгрегация, если ей поставят запасы продуктов, и она мобилизует добровольцев. У конгрегаций обычно имеется некоторый избыток помещений, поэтому здесь весьма уместна кооперация и координация.

В Нью-Йорке, например, имеется около 1500 мест регулярной раздачи продуктов и пунктов горячего питания, и многие из них функционируют на партнерской основе. В них участвуют как религиозные конгрегации, предоставляющие площадь и добровольцев-прихожан, так и светские общинные и благотворительные организации, принимающие на себя сбор продуктовых пожертвований от частных лиц и закупку продуктов за счет частных денежных пожертвований и грантов местных и федеральных властей. Подобное партнерство осуществляется в США издавна и повсеместно. В том же Нью-Йорке с 80-х гг. существует Коалиция Против Голода (New York City Coalition Against Hunger – NYCCAH, сейчас – *Hunger Free NYC*²), объединившая все организации, занятые этим спасительным делом, тогда как ранее эту тяжкую ношу несли на себе лишь религиозные конгрегации и их благотворительные учреждения. Сейчас эта коалиция координирует работу более 1200 бесприбыльных организаций, имеющих кухни и склады с продуктами, и обслуживает почти 1,5 млн. жителей, испытывающих недостаток еды, а то и голодающих, особенно среди бездомных. Она же пытается помочь им и в решении долгосрочных жизненных проблем – работа и жилье, дети и учеба. Поддержка нуждающихся с участием конгрегаций стала особенно актуальной в годы последней рецессии, когда резко увеличилось их число за счет значительно возросшей безработицы, выселения из квартир и домов тех, кто не может платить за съем квартиры или долги по займам на покупку дома.

В небольшом районе Манхэттена, возле Tompkins Square Park, где проживает автор, две протестантские церкви имеют свои столовые и регулярно раздают пакеты с продуктами. Еще за пару часов до открытия здесь выстраиваются удлинившиеся в последние годы очереди. Такие же очереди образуются

² <https://www.hungerfreeamerica.org/hunger-free-nyc>

каждую неделю и в разные дни вокруг самого парка: туда прибывают передвижные кухни и грузовики с пакетами продуктов, а в холодное время года также с мешками одежды и одеял. Этим занимаются специализированные на помощи бедным и бездомным религиозные благотворительные организации, например, Street LIFE Ministries, представляющая несколько христианских деноминаций, обычно протестантских, и собирающая на эти цели частные пожертвования. Параллельно с благотворительностью, она, конечно же, выполняет и христианскую миссию, раздавая религиозные буклеты и желая всем благополучия от имени Бога, однако делает это деликатно, чтобы это не выглядело обменом на помощь и не подорвало статус НКО и право на гранты из правительственных бюджетов. Любой прохожий может получить свою тарелку супа, бутерброд и стаканчик кофе или сока, а в отдельной очереди и тяжелый пакет с продуктами, отправившись далее по своим делам. Предполагается, что, если ты встал в очередь, значит, нуждаешься в помощи...

Особый интерес представляет участие американских конгрегаций в усилиях по *социальным изменениям*, требующих обычно серьезной политической активности. Большинство исследователей утверждает, что они, как правило, вовлечены в ту социальную деятельность, что помогает людям и семьям решать их повседневные личные проблемы и материальные запросы. Гораздо меньше, хотя и в разной степени – в зависимости от канона той или иной деноминации, они готовы участвовать в делах, направленных на социальные и политические перемены. Религии всех течений и во все времена, за исключением ранних периодов становления (как, например, в раннем христианстве 1-3 веков н.э.) или переломных этапов их истории (как, например, в эпоху европейской Реформации в 17 веке или в американской революции 18-го, затем в гражданской войне 19-го и, наконец, в движении за гражданские и социальные права 20-го века в США) стараются не конфликтовать с властью, а искать с ней компромисс. Но и в том, и другом случае они руководствуются не политическими идеями и теориями, а своим вероучением и вытекающей из него социальной этикой.

Сравнительно большей вовлеченностью в борьбу за социальные перемены в США – на позволенном той или иной теологией уровне – отличаются конгрегации крупных мегаполисов, таких как Нью-Йорк, Чикаго, Сан-Франциско, где весьма велика доля опекаемых церковью социальных слоев (бедных, бездомных и безработных, инвалидов и пожилых, а также иммигрантов) и различных меньшинств (расовых, этнических и сексуальных). Среди наиболее острых социальных проблем, активно вовлекающих конгрегации в политику и социальные движения, числятся – помимо таких

традиционных проблем как усиление неравенства и распространения бедности – такие актуальные как аборт, гомосексуальные браки и использование эмбрионов в научных исследованиях. Здесь политически наиболее активны христианские конгрегации, особенно католические (они – однозначно против) и протестантские (их позиции могут различаться). Значительно меньше они стараются участвовать в делах, связанных с ментальными болезнями, выбором родителями школ (частных или публичных), контролем за владением огнестрельным оружием.

Зато конгрегации самых разных течений, особенно христианские, готовы активно защищать природу. Национальный Совет Церквей еще в конце 90-х гг. организовал активную кампанию по поддержке ратификации Сенатом США Киотского протокола. К этой кампании присоединились и католики, и евангелисты. Петицию в Конгресс поддержали 67 тыс. конгрегаций, и их общей целью было собрать подписи 100 млн. американцев. У многих конгрегаций есть формальные программы охраны окружающей среды и большинство священников в своих еженедельных проповедях и диспутах говорят о необходимости сохранить ее для будущих поколений, призывая прихожан содействовать этому социальной активностью и добровольным трудом.

Эволюция социальной миссии конгрегаций в США

Всегда ли, однако, религиозные конгрегации в Америке были столь активны в своей социальной деятельности и заботе о благополучии своих прихожан и всей общины, в которой они действовали?

Отвечая на этот вопрос, один из известных исследователей этой сферы Рэм Кнаан (Ram Spaan) утверждает, что одним из решающих факторов превращения религиозных конгрегаций в «поставщика» социальных услуг было отделение религии от государства, проведенное на самом раннем этапе американской истории. Аргументируя это утверждение, он предлагает для начала сравнить нынешнее положение церквей в Европе и в США³.

В большинстве развитых европейских стран государство поддерживает и защищает церкви. Средства на оплату священников и содержание церковных зданий и иной собственности поступают либо из бюджета, то есть за счет регулярных налогов (например, во Франции и Бельгии), либо из собираемого властями в центре или на местах специального церковного налога (например, в Германии и Швеции). Если государство «назначает» ведущей одну религию (или несколько, как в Германии и Швейцарии), превращая ее в

³ См. Spaan, R. A., with Boddie, S. C., Handy, F., Yancey, G., & Schneider, R. *The invisible caring hand: American congregations and the provision of welfare*. New York University Press, 2002.

государственную и берет на содержание ее священников, то у них нет другого мощного стимула, кроме канонического вероучения насчет поддержки бедных, старых и больных, сирот и вдов, добиваться роста числа и благополучия своих прихожан. Более того, находясь в финансовой зависимости от государства, церковные лидеры опасаются конфликтовать с ним, а это может случиться, если они будут добиваться неприемлемых для властей социальных перемен. Тем более, что европейские социальные государства обеспечили относительно высокий жизненный стандарт – более высокий, чем в США – практически всем своим гражданам. Все это вместе взятое отбивает у священников охоту и необходимость создавать в местных общинах религиозные социальные службы и идти с их услугами «в люди». Именно поэтому, считает Р. Снаап, церкви здесь, в отличие от США, минимально вовлечены в социальное служение.

Однако именно такой была ситуация в американских колониях при их основании в 17 веке. Каждая колония, основанная и населенная изгнанными из Европы сторонниками той или иной протестантской секты, превращала свое вероучение в государственную религию. Такова ирония истории: то от чего преследуемые бежали, они ввели на новом месте. Английские пуритане поступили так в Новой Англии, голландская реформистская церковь – в Новом Амстердаме (позднее Нью-Йорк), англикане – в Вирджинии, квакеры – в Пенсильвании. И здесь церкви, их лидеры и священники поддерживались центральными либо местными налогами и были ответственны лишь перед своими иерархами, особо не интересуясь привлечением новых прихожан, ибо каждый житель по определению должен был быть сторонником установленной церкви, иначе он мог потерять службу, нередко собственность и привилегии, становясь социальным изгоем, а то и фактическим изгнанником. Существовали и нерелигиозные мотивы поддержки установленной религии. Членство в ней было условием для поступления на госслужбу, занятия выборной должности судьи или участия в распределении общественных и свободных земель, тогда как принадлежность к иной секте делало ее приверженца второсортным гражданином с ограничением многих прав.

Протестантское движение в американских колониях родилось заново вместе с их борьбой за независимость и получило мощный толчок в ходе революции 1776 года. Это движение, направленное на низвержение государственных религий с отделением всех церквей от покровительства властей, неизбежно развивалось медленно. Привилегии господствующей веры в американских колониях, завоеванные в течение столетий, отдавались, как показал до этого и опыт европейской Реформации, с огромным трудом. Конгресс США принял Билль о правах, а с ним и Первую поправку к Конституции, содержащую

статью об отделении церкви от государства и свободе вероисповедания в 1791 году. Но реализация этого акта в бывших колониях, ныне штатах, растянулась более, чем на 30 лет. Началась она с 1776 года, когда Вирджиния первой уравнила в правах все религии и завершилась в 1833 году, когда Массачусетс отказался поддерживать законом и деньгами господствующие протестантские церкви, исповедующие авторитарный конгрегационализм, и перестал требовать от своих жителей обязательной принадлежности не только к одной из них, но и к любой другой, объявив тем самым свободу вероисповеданий.

В колониальную эпоху и первые десятилетия республики ведущие американские церкви еще не были по своему существу институтами благотворительности. Фокусируясь на вопросах религии и морали, они избегали вмешательства в мирские дела общества, которым занимались публичные власти, и миссией этих церквей одновременно было наказание несогласных с ними еретиков. Оттого и регулярное членство в господствующих церквях было в то время весьма низким (в среднем не более 20% населения). В этом не было прямой нужды, важно было придерживаться ее кредо, а средства на содержание церкви обеспечивались властью за счет налогов.

Утратив статус официальной религии и перейдя на самообеспечение, религиозные конгрегации ведущих христианских деноминаций вынуждены были вступить в конкуренцию с друг другом и с ранее угнетаемыми церквями и сектами – бороться за своих приверженцев как за «потребителей» и, следовательно, заботиться о их благополучии, предлагая им не только религиозные, но и социальные услуги. С тех пор от духовенства в Америке, отмечает Р. Снаап, ждут не только умения донести «слово Бога», но и создать «членское общество», точнее – общину приверженцев, добровольно поддерживающих свою конгрегацию. Эти ожидания сформировали здесь новую породу священников – они в Америке более ответственны перед конгрегацией, чем их европейские коллеги, потому что их нанимает (и увольняет) ее исполнительный комитет и от них ожидают привлечения такого числа членов, которое обеспечит ее финансовые нужды, и таких, что отличаются стойкой лояльностью. Одним из способов добиться этих целей и усилить при этом свой публичный статус – в соперничестве с другими церквями за свою долю на «религиозном рынке» – и является культивирование среди своих приверженцев обычая помощи нуждающимся и общине в целом, то есть, благотворительности и добровольчества.

Конгрегации и государство в США: полемика о их партнерстве в социальной сфере

В силу отмеченных выше особенностей ее истории на американском континенте, религия в США – в отличие от других развитых стран Европы и мира – продолжает и в наши дни, наряду с государством, хотя и в многократно меньших масштабах, помогать социальному благополучию американцев. Она в определенной мере и по-своему компенсирует относительную слабость здешней системы социального благополучия, если сравнивать ее с европейской. Однако несмотря на самый крупный, в сравнении с остальными сферами филантропии, поток пожертвований, ей явно не хватает средств, чтобы, сохраняя независимость и сильную позицию на высоко конкурентном «религиозном рынке», поддерживать и свою социальную миссию.

Не удивительно поэтому, что конгрегации, их национальные деноминации и ассоциации давно добивались легального обхода «конституционной стены» и доступа к государственному финансированию социальных программ, составляющему ежегодно многие сотни миллиардов долларов. Решающий шанс они получили в середине 90-х годов, когда во время президентства демократа Клинтона – но под давлением республиканского Конгресса – была проведена реформа системы вэлфера с целью вернуть на работу ее трудоспособных клиентов, сократить массовое иждивенчество и злоупотребления программой.

Именно тогда в законе об этой реформе (1996) появилась знаменитая статья о «*благотворительном выборе*» (Charitable Choice). Она позволяла властям штатов и федеральным департаментам включать в число претендентов на заключение контрактов по выполнению реформы вэлфера не только светские неприбыльные организации, но и благотворительные организации всех церквей, те самые Faith-Based Organisations (FBO), о которых говорилось ранее в публикациях по этой теме.

Тем самым финансирующим органам предоставлялось право выбора исполнителя целей реформы в том или ином проекте – кто, мол, сможет эффективнее его провести, тот и получит контракт и бюджетные средства под него. При этом предполагалось, что некоторые цели и конкретные проекты реформы лучше смогут выполнить FBO, чем регулярные социальные агентства с их формальным, чрезмерно рационалистическим, а то и бюрократическим подходом. Потому, мол, что именно религиозным учреждениям и их деятелям в большей мере, чем обычным социальным работникам, присущи такие качества, как холистический (целостный) и персональный подход к личности людей, нуждающихся в помощи. Считалось, что именно эти учреждения накопили за их тысячелетнюю историю особенно

ценный опыт «социальной работы»: не только материальной помощи людям в тяжких обстоятельствах – нищете и бедности, болезнях и несчастьях, но и их морального преобразования с помощью слова Бога. В полную меру использование Charitable Choice и финансирование FBO из госбюджета произошло уже при республиканском президенте Буше, «рожденном заново» евангелисте, положившего в основу своей социальной политики «сочувственный консерватизм» и превратившего Charitable Choice и FBO в фирменный знак этой политики⁴.

Финансовая и организационная поддержка государством социальной миссии церковью вызвала две встречных волны ее оценки. Никогда ранее политики и журналисты, исследователи, практические деятели сфер филантропии и религии не уделяли столько внимания социальным услугам церковью, их роли и эффективности в социальном благополучии американцев в сравнении с финансируемыми, в основном из бюджета, светскими бесприбыльными организациями.

С одной стороны, это были критики федеральной политики, позволившей пробить брешь в «конституционной стене», разделившей с самого начала государство и религию. По их мнению, церкви, что преобладают в своих штатах и регионах (например, мормоны в штате Юте, старые протестанты в штатах Новой Англии, баптисты в южных штатах) могли, используя эту брешь и деньги налогоплательщиков всех верований, распространять именно их веру. И тем самым завлекать ее приверженцев в ущерб иным, более слабым и нередко конкурирующим, а то и враждебным конфессиям, подрывая принцип равенства всех конфессий перед гражданской властью. Разве мыслимо отделить социальную деятельность церковью от их религиозной миссии? Не ставится ли под угрозу свобода вероисповедания и выбора места проживания, если нуждающемуся в помощи иудею, буддисту, мусульманину или христианину иной деноминации придется обращаться за поддержкой в единственную в его местности католическую социальную организацию или в миссию Армии Спасения? Не попытка ли это республиканской администрации осуществить свои ключевые идеи «малого правительства» и «опоры людей на собственные силы»? Не стремится ли она сокращением своих социальных программ для самых уязвимых и политически незащищенных слоев общества переложить заботу о них на церкви, считающие в своем большинстве, что бедность и прочие бедствия масс – результат моральной испорченности, а не общественных и экономических условий? Наконец, спрашивали критики, есть ли обоснованные доказательства

⁴ Более подробно см.: Ф.Фурман, *Филантропия в Америке. Очерк истории* - «Буш младший и религиозная благотворительность», сс. 219-225. М., Ридеро, 2015.

большей эффективности не только самой социальной помощи церквей бедным, безработным и бездомным, но и устранения причин этих бедствий⁵? С другой стороны, были выдвинуты серьезные аргументы в пользу углубления, хотя и с оговорками, сотрудничества конгрегаций и правительства, наиболее наглядно выраженные упоминавшимся ранее Рэмом Кнааном с соавторами в книге под звучным названием «Невидимая заботливая рука: американские конгрегации и их роль в социальном благополучии»⁶.

Если государство проявляет, отмечалось в этой книге, растущую заинтересованность в возрождении общинного духа своих граждан, оживлении их патриотизма, укреплении их морали и участия в социальной поддержке нуждающихся, то конгрегации в США, хотя и отделенные от него Конституцией, являются его естественным союзником. Ибо они уже давно это делают, хотя и на иных, религиозных, основаниях. Ведь, если не считать элементарных школ, ни один другой социальный институт в США не представлен столь повсеместно как религиозные конгрегации. Это одна из тех общедоступных организаций, не основанных на праве частной собственности, которую можно в большинстве случаев найти по соседству, на пешем расстоянии. Они, как никакая другая бесприбыльная организация, наиболее тесно связаны с повседневной жизнью местной общины, ее жителями и светскими лидерами, включая представителей властей. Даже если они не посещают эти конгрегации. Их религиозные лидеры – священники, пасторы, раввины, имамы и другие – это те общинные деятели, что лучше всего представляют местных жителей и служат посредниками между ними и всеми другими влиятельными социальными институтами. Являясь одним из эффективных каналов распространения информации в местной общине, они могут как подтолкнуть, так и придержать желательные той или иной администрации социальные акции и перемены.

Они, как это уже отмечалось выше, предоставляют своим членам и всей местной общине широкий спектр социальных услуг, нередко не замечаемый и не оцениваемый по достоинству, и вполне заслужили свой статус полного освобождения от налогов. По данным Р. Кнаана чистая стоимость социальных услуг конгрегаций составляет в среднем около 200 тыс. в год в расчете на одну конгрегацию – большей частью в виде добровольного труда и материальных пожертвований⁷.

⁵ См. Sheila Suess Kennedy, Wolfgang Bielefeld, *Charitable choice at work: evaluating Faith-Based job programs in the states*, Georgetown University Press, Washington DC, 2006.

⁶ Snaan, R. A. et al. 2002, pp.283-285.

⁷ Если учесть общепринятую в США оценку числа конгрегаций в 335000, то общая стоимость этих услуг с их стороны может быть оценена в размере 65-70 млрд. в год (расчет мой. – Ф.Ф.).

По его мнению, вклад конгрегаций в улучшение качества жизни в Америке, компенсирующий их безналоговый статус, значительно больше, если иметь в виду, что они, будучи частью общеамериканской сети социального благополучия, первыми или одними из первых приходят на помощь людям во время местных, национальных и международных чрезвычайных ситуаций, выделяют на эту помощь значительную часть своего зачастую скромного бюджета и являются главным каналом мобилизации добровольцев в городской Америке. Можно взять на себя смелость утверждать, заявляет Р. Кнаан, что конгрегации, если добавить к этому силу их морального воздействия на стабильность общества, субсидируют последнее в более широком аспекте, чем оно их освобождением от налогов.

Особенность социального служения церквей – в отличие от социальных услуг светских организаций – в том, что служение это, хотя и основано на теологическом кредо той или иной церкви, является не религиозной, а мирской ее функцией. Ее выполняют не столько священники, то есть духовные лица, принявшие обет и отвечающие за религиозную функцию церкви, сколько члены конгрегации – «миряне», добровольно взявшие на себя обязанность, тоже своего рода обет, помогать нуждающимся людям «в этом мире»⁸.

Однако и на этой позитивной волне оценки «благотворительного выбора», также возникли сомнения и вопросы. Заключая с конгрегацией, точнее с ее социальной службой, контракт на социальные услуги, государство непременно выдвинет свои требования. И если одна их часть окажется приемлемой, то другая может ущемить независимость конгрегаций и нанести ущерб их прямой миссии. Будут ли они готовы как верующие основатели и собственники этих служб поступиться принципами и – насколько? В свое время «поступиться принципами» ради грантов штатов и Вашингтона пришлось сотням религиозных университетов, которые, например, выделили в самостоятельные школы и колледжи свои семинарии и религиозные факультеты и пошли на другие уступки, превратившись большей частью в светские вузы, как это сделали Гарвард и другие университеты «Ивовой Лиги». Поэтому многие деноминации с осторожностью откликнулись на

⁸ В научной литературе «мирян» часто называют *терциариями* (от лат. *tertius* – третий) по аналогии с членами светских католических братств или конгрегаций, издавна существующих при нищенствующих орденах – францисканцев, доминиканцев, кармелитов и др. Оставаясь мирянами, они активно помогают этим орденам как в религиозной, так и в благотворительной миссии. Впервые подобные братства, и значит, сам институт терциарианства как способ социального служения церкви в миру, были созданы в Италии в 1221 году Франциском Ассизским после основания им мужского и женского францисканских монашеских орденов. Терциарии стали как бы членами неформального, рассеянного в миру, *третьего* ордена (отсюда и название этих конгрегаций и их членов). В середине прошлого, 20-го века, в мире насчитывалось более 2 млн. терциариев, входящих в приблизительно 1500 конгрегаций.

призыв правительства заключать с его агентствами контракты на социальные услуги.

Превращение конгрегаций в поставщика социальных услуг, финансируемого из публичных фондов и имеющего контракты с правительством, грозит и опасностью другого рода – подавления исключительного духа добровольчества их членов. Ведь именно он сделал возможным ту обширную сеть социального и общинного служения, в которой активно и бесплатно трудятся сотни тысяч волонтеров. Как они отнесутся к тому, что эти программы будут выполняться на средства государства, по его стандартам и с помощью профессиональных менеджеров, а также к тому, что в их конгрегации появится еще одно профессиональное агентство? Нужно ли бюрократизировать церкви, успех которых в социальном служении основан на персональных связях своих членов и их порывом к благотворительности, глубоко мотивированным верой, а не прагматизмом?

Хотя обеспечение государством подавляющего большинства социальных услуг – это более предпочтительный способ достичь социального благополучия, и так обстоит дело почти во всех развитых странах, пока это не американская действительность. Принимая во внимание общую антипатию к бедным и упор на персональную экономическую независимость большинства американцев, вряд ли стоит ожидать, что государство предпримет в ближайшем будущем крупную новую программу борьбы с бедностью.

В этом свете трудно переоценить роль местных религиозных конгрегаций – уникального американского института, который служит общенациональной спасительной сетью, часто «невидимой», для тех, кто особенно нуждается в пище и приюте, совете и эмоциональной помощи. Вовлеченность конгрегаций в социальное служение это такой же традиционный американский символ, как *яблочный пирог*, замечает Р. Кнаан, но эта их роль значительно меньше признается и недостаточно высоко ценится.